

Література і примітки

1. Кузнецов В. Гермeneвтика и ее путь от научного до философского направления // Гермeneвтика в России: Сб. науч. тр. — Воронеж, 2002. — Вып. 1.
2. «Інтерпретувати текст, — пише Р. Барт, — зовсім не означає поділяти його певним конкретним змістом, а, навпаки, зрозуміти його як втілення множинності. Текст... являє собою галактику означуваних ... у нього можна вступити через множинність входів, жоден з яких не можна визнати основним» (Цит. за: Ищенко Е. П. Новая парадигма интерпретации в дискурсивном поле современной философии // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. — 2004. — № 6. — С. 65).
3. Скакуп О. Ф. Метод інтерпретації правової теорії і правової форми: схожість і відмінність // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Сер. Юридические науки. — 2005. — Т. 18, № 3.
4. Хабибулина П. И. Толкование права: новые подходы к методологии исследования: Монография. — СПб: С.-Петербург. ун-т МВД России, 2001.
5. Рабінович П. М., Савчук П. І. Офіційно-нормативне тлумачення законодавства як інструмент адаптації правового регулювання до соціальних змін // Вісник Академії правових наук України. — 2002. — №1.
6. Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской концепции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. — 1072 с.
7. Тульчинский Г. Л. Слово и тело постмодернизма // Вопросы философии. — 1999. — № 10.
8. Гижа А. В. Интерпретация и смысл (Структура понимания гуманитарного текста): Монография. — Х.: Коллегиум, 2005.
9. Стислу характеристику неусуцупавості та нездоланності дії таких причин див.: Рабінович П. М. Праворозуміння як фундамент юридичної науки і практики // Юридичний вісник України. — 2006. — № 44.

УДК 340.122

*И. В. Шамша***ОТНОШЕНИЕ «БЫТИЕ — ИНОЕ БЫТИЯ» КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОГО ДИСКУРСА**

Наиболее важным и существенным при определении понятия «ценность» является вопрос сохранения всеобщего масштаба, с которым ценность должна соотноситься. На первый взгляд может показаться, что ценностных систем очень много — у каждого человека свои ценности. Субъектная составляющая ценности является определяющей для нее и для аксиологического исследования в целом. Однако, абсолютизируя эту составляющую ценности, исследователь попадает в круг неразрешимых проблем. Поскольку на земном шаре проживает шесть миллиардов людей, изучить сколько-нибудь внимательно все ценностные системы не представляется возможным. Кроме того, исследователь, преувеличивающий субъективную составляющую ценности, тем самым совершенно исключает возможность различения истинно гуманистических и античеловеческих ценностей, адекватных и неадекватных, истинных и ложных. Однако неприемлемой, на наш взгляд, является и противоположная крайность. Исследователь, преувеличивший объективный аспект ценности, формирует возможность для разделения людей на «правильных» и «неправильных», «насто-

ящих» и «ненастоящих», «своих» и «чужих», благодаря чему теория получает возможность превратиться в антигуманную. Исходя из вышесказанного, следует, что самым сложным при определении понятия «ценность» является соблюдение «золотой середины» между объективной и субъективной составляющими ценности. Поскольку объективная составляющая ценности является самым сложным аспектом, который очень тяжело дается исследователю, определение ценности необходимо должно содержать отношение ценности ко всеобщему.

А. В. Разин, например, дает определение ценности, с которым в аспекте вышесказанного можно согласиться: ценностью может являться только «... наполненная личностным смыслом общественная ценность» [1, 424]. Разин указывает, что если общественный смысл как проводник всеобщего исключить из определения ценности, то ценность очень сложно будет отличить от индивидуальной оценки [1, 424]. Именно всеобщую составляющую ценности позволяют рассмотреть методологические схемы в онтологии, создавая опору в философско-правовом исследовании ценности и ценностей.

Логическая ось «бытие — иное бытия» является методологическим основанием для онтологических систем, складывавшихся в истории философии на протяжении двух с половиной тысяч лет. Эту тему автор разрабатывает в кандидатской диссертации. Классические онтологические направления философии (материализм, объективный идеализм, субъективный идеализм) в основе своей имеют логическую ось «бытие — иное бытия». Поскольку то, что для материалиста является бытием, для идеалиста является небытием, то есть относится к иному бытия и наоборот, категория «бытие», как и «иное бытия», меняет у него свое содержание. Так, для материалиста бытием выступает материя, дух же является иным бытия, в некоторых концепциях существующим небытием. Для объективного идеалиста бытием является дух, а материя существующим небытием, то есть относится к иному бытия. Бытие выступает сущим, существующим посредством себя, это существование с сущностью, а иное бытие сущим, существующим посредством иного (бытия), это существование без сущности. Данная логическая ось методологически удобна тем, что на протяжении двух с половиной тысяч лет она позволяет обосновать картину мира, расставляя соответствующие онтологические акценты, выделив главные и второстепенные аспекты мира. На наш взгляд, эта логическая ось способна прояснить ряд вопросов, находящихся в компетенции философии права, в частности противоречие между естественным и позитивным правом.

Логическая ось «бытие — иное бытия», примененная в области философии права, требует рассмотрения двух компонентов — естественного и позитивного права. Стратегической задачей исследования является ответ на вопрос: какой из этих компонентов обладает статусом бытия, а какой — иного бытия? Ответ на этот вопрос предопределяет теоретические выводы при разрешении проблем философско-правового дискурса.

Разница между естественно-правовой парадигмой понимания права и позитивно-правовой парадигмой заключается в понимании источника права. В ос-

нове этих парадигм лежат два понимания источников права. В парадигме естественного права источником права является само бытие (право быть человеком). В парадигме позитивного права источником права является закон. Источники права задают онтологическую направленность для интерпретации реальности. И в зависимости от этой интерпретации одна часть реальности получает положительный онтологический статус, а другая — отрицательный, изначальный, как и в онтологическом дискурсе. Поэтому в зависимости от парадигмы понимания права в качестве бытия понимается либо закон, либо бытие. Уже сама постановка вопроса показывает необоснованность притязаний сторонников позитивного права, однако их позиция является ярко выраженной и обуславливает определенные теоретические выводы. Например, вывод о том, что философия права является юридической, а не философской дисциплиной или что юридической, а не философской дисциплиной является юридическая этика. Анализ методологических оснований этих позиций позволит найти возможный консенсус между ними, разрешить противоречия и непонимания.

Для того чтобы осуществить задуманное, нам необходимо обратиться к коренным отличиям морали и права. Мораль выступает иным по отношению к праву, а право — иным по отношению к морали, несмотря на то, что моральные и правовые нормы фрагментами дублируют друг друга. Мораль при этом будет рассмотрена как представитель естественного права, а право как позитивное право.

Безусловно, важным отличием морали и права выступает большая формализованность норм права, которая выступает результатом деятельности правовых институтов, чего в морали нет: мораль не представлена институционально, и формализация моральной нормы ниже [2, 430–431]. Но гораздо более важной задачей является прояснение причин этих отличий, а не просто их констатация. Прояснить эти причины позволяет следующая важнейшая — сущностная — черта морали и права: право оценивает только определенные действия или бездействие, но, во всяком случае, мотив поведения должен обязательно проявиться вовне. Право не может осуждать мотив к совершению преступления, который не выразился ни в каких действиях. В морали же поступок оценивается в единстве мотива и результата [1, 473]. Таким образом, результат (поступок) оценивается и моралью и правом, а вот мотив — одной только моралью. Именно поэтому при негативном санкционировании в морали не может использоваться государственное принуждение (как в праве).

Еще одна ключевая характеристика морали позволяет прояснить многие неясности: компетенция морали распространяется на человека как свободное существо [1, 404]. Поэтому в морали используется положительное санкционирование (поощрение, общественное одобрение) в отличие от права. Право же, по крайней мере в механизме санкционирования, ограничивает свободу человека.

Все эти черты различия морали и права позволят нам применить схему «бытие — иное бытия» к позитивному и естественному праву.

Естественное право выступает онтологически иным по отношению к позитивному, позитивное же, наоборот, — онтологически иным по отношению к

естественному. Признать этот факт нам не мешает мысль о том, что позитивное и естественное право являются не взаимоисключающими, а взаимодополнительными, так как наша цель состоит не только в признании этого факта, но и в расстановке приоритетов. Для того чтобы расставить онтологические приоритеты, нам необходимо из двух составляющих найти сущее, существующее посредством себя, и сущее, существующее посредством иного. Сущее, существующее посредством себя, необходимо должно содержать сущность. Причем речь должна идти относительно сущности человека, так как вопрос естественного и позитивного права поднимается всегда в свете человеческой реальности. Вышеприведенный анализ показал, что право не обладает инструментариумом, способным регулировать абсолютно все человеческие отношения, оно призвано регулировать только наиболее важные из них [3, 224], что отражается, в том числе, в жесткости санкционирования. Зато регулирование всех человеческих отношений способна осуществлять мораль. Это подтверждает суждение этиков о том, что если бы люди аккуратно исполняли предписания морали, то право и не возникло бы [1, 478]. К тому же вне компетенции права находится также мотивация человеческого поведения, если она не выливается в какие-либо действия. Мораль же санкционирует не только мотивы поведения, не выразившиеся в поступках, но и сами эти поступки, и результаты их мотивов, если можно так выразиться. Сущность же человека скорее будет представлена в такой системе норм, которая сумеет вобрать в себя весь спектр человеческих отношений. Кроме того, эта система норм должна оценивать поведение человека в единстве мотива и результата поступка. Из такой системы норм будет вырастать целостная личность, человек вообще. Право, как мы увидели выше, не способно выступить такой системой, и если мы представим себе человека, который руководствуется одним только правом (без морали), то полученный образ никак не будет гармоничной личностью и уж тем более — человеком вообще. Дело в том, что у нас появится образ человека, который не стыдится нарушать закон, если это останется незаметным (следовательно, за его преступлением не последует наказания). Во-вторых, это будет человек, которому будут совершенно недоступны отношения любви и дружбы (которые регулируются исключительно моралью, а не правом), да и в целом человеческие отношения останутся для него закрытыми. Поэтому более пригодными для отражения сущности человека являются мораль и нравственность, а не право. Мораль и нравственность, таким образом, выступают существованием с сущностью, а право — существованием, сущность которого находится в ином. Поэтому мораль в этом отношении является сущим, существующим посредством себя, а право сущим, существующим посредством иного.

Из вышесказанного следует, что естественное право онтологически выступает бытием, а позитивное право — онтологически иным бытием. Из этого не следует однако, что оно не важно или второстепенно для человека. Позитивное право возникает вследствие развития сущности человека, но сущность человека нужно искать не в конституционных правах личности (хотя частично сущность в них выражена), а во всеобщей человеческой природе. Сказанное на

практике означает также, что юрист в первую очередь является человеком, а потом уже юристом.

Кроме того, когда мы эту схему будем применять к отдельно взятым ситуациям в пространстве-времени, окажется, что инструментария юридической науки явно недостаточно. Поэтому юрист не должен закрывать глаза на то, что правом или правовой нормой не является (например, иными по отношению к правовой норме являются обычай, моральная норма, нормы обычного права и т.д.). В конце концов, философская концепция человека является самой полной. На наш взгляд, некоторые парадоксы, проявляющие себя в праве и законодательстве, своим существованием обязаны традиции уважения права и совершенным игнорированием морали. При оценке поведения субъекта в определенной ситуации, помимо разговора о том, что он имеет право делать, а чего не имеет по закону, необходимо рассматривать также моральный аспект. Этот аспект предполагает ответ на вопрос: нужно ли человеку такое-то действие, необходимо ли оно для того, чтобы быть человеком? Даже если я имею право действовать так-то, моя человеческая природа выиграет от этого или проиграет?

Литература

1. Разин А. В. Этика: Учебник — М.: Акад. проект, 2006. — 624 с.
2. Скакун О. Ф. Теория государства и права (энциклопедический курс): Учебник. — Х.: Оспада, 2005. — 840 с.
3. Пекрасов А. И. Этика. — Х.: Одиссей, 2003. — 400 с.

УДК 316.286:124.5

И. И. Матюшина

МЕСТО ЦЕННОСТЕЙ В КОММУНИКАЦИИ (ПО РАБОТАМ Ю. ХАБЕРМАСА)

Последние десятилетия XX века и начало XXI века характеризуются многими исследователями как эпоха кризиса духовности, кризиса традиционности, кризиса ценностей. Если в конце прошлого века ставилась задача осмыслить саму ситуацию и описать причины кризиса, то на сегодняшний момент необходимо уже поднимать вопрос о возможных путях преодоления кризиса ценностей. Одним из возможных ответов на этот вопрос является обращение к анализу места ценностей, ценностных ориентаций в коммуникации, их влияния на коммуникацию, а также рассмотрению способов «приобретения», воспитания, осознания и разработки ценностных ориентаций, которые представлены в работах Ю. Хабермаса.

Вначале необходимо определиться с тем, что мы подразумеваем под понятием «ценность». Самым распространенным и самым широким определением ценности, которого мы будем придерживаться, является определение через по-